

THE ROMAN GENERAL IN TIMES OF MUTINY: GESTURES AND EXPRESSION OF EMOTIONS

A. V. Makhlayuk

The article deals with certain ways of the Roman generals' behaviour before their troops in times of mutiny. This subject has not attracted due attention of scholars (except a few pages in E. Flaig's recent book). There was a surprisingly large number of situations when the commander addressed his army with prayers and tears, assuming a supplicant pose, even prostrating himself at soldiers' feet, rending his clothes, threatening to stab himself or to commit suicide in some other way. The author examines a series of such episodes of Roman history dating from the late Roman Republic to the late Principate analysing them from the semantic point of view. Naturally, extreme situations called for extreme gestures. However, some of these gestures were used not only in times of mutiny, but also in other situations to influence the army's mood. The gestures were similar to those employed by Roman orators in their speeches in court, as well as before the senate and people's assemblies. In spite of the variety of particular situations and possible means a commander could resort to in order to restore the obedience or to save his own life, the main purpose of such behaviour was to decrease tension during the critical moments by means of shortening the social and psychological distance between the commander and his troops. The symbolic «language» of these gestures and expressions, being deeply rooted in the Roman traditions and sensitivity, was, no doubt, rather familiar to Roman legionaries. Therefore, it was the control of those means that allowed Roman generals to be able to suppress mutinies effectively. If the commander's weeping and other forms of supplication appealed, first of all, to the emotional and sentimental sides of a soldier's soul, the undisguised demonstration by the commander of his will to die was a direct appeal to soldiers' sense of military honour. But both ways of behaviour meant a radical rupture with the common, daily mode of interaction between the general and his troops; both these ways transferred that interaction to an absolutely different semantic and emotional dimension. And they both were considered to be acceptable, even standard in appropriate situations.

© 2008 г.

И. Е. Ермолова

ОТНОШЕНИЕ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА К ТРУДУ ИСТОРИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА*

О жизни Аммиана Марцеллина не сохранилось никаких данных, неизвестны даже точные даты его рождения и смерти. Оригинальное название его сочинения – «Res gestae», т.е. «Деяния». Интерпретировать такое название можно двояко: либо имеются в виду *res gestae populi Romani* (деяния римского народа), либо «*res quas ego gessi*»¹ (свершения самого автора). Исследователи творчества Аммиана Марцеллина единодушно считают верным первый вариант толкования наименования, так как его монументальный исторический труд

* В основе данной статьи лежит доклад «Исторические принципы Аммиана Марцеллина и их практическое воплощение в тексте “Деяний”», сделанный на XV Чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто (Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2003. С. 95–100).

¹ *Sabbah G. La méthode d'Ammien Marcellin: Recherches sur la construction du discours historique dans les Res Gestae. P., 1978. P. 2.*

создает содержательный образ поздней Римской империи. Но вместе с тем он же служит единственным источником информации о жизни самого автора и обстоятельствах, возможно, повлиявших на его написание.

Первая часть сочинения Аммиана Марцеллина (книги с 1 по 13) не сохранилась, что затрудняет анализ отношения историка к своему труду. Но отдельные многочисленные замечания, а также начало 26 книги, когда автор размышляет о переходе к повествованию о событиях последних лет, помогают представить, каких принципов Аммиан придерживается на протяжении всего своего произведения. Он неоднократно подчеркивает свое стремление к беспристрастному рассказу о событиях, не допускающему ни малейшего искажения правды ложью² или умолчанием, так как полагает, что «тот, кто сознательно умалчивает о свершившемся, обманывает, кажется, не меньше, чем тот, кто выдумывает никогда не случавшееся»³. Автор считает девизом своего исторического труда истину⁴. Эти высказывания аккумулированы в заключительном параграфе «Деяний», в котором историк подводит итоги написанного им: «Вот что я, бывший воин и грек по происхождению, изложил по мере сил, начав от правления Цезаря Нервы и доведя рассказ до гибели Валента. Я обещал в труде своем представить истину и нигде, как думаю, сознательно не отступил от этого обещания умолчанием или ложью. Остальные события пусть опишут другие, более сильные, чем я, имеющие преимущество молодых лет и учености»⁵. По поводу самохарактеристики Аммиана – *miles quondam et Graecus* – написано довольно много⁶;

² *Amm.* XVI. 1. 3: *quicquid autem narrabitur, quod non falsitas arguta concinnat, sed fides integra rerum absolvit documentis evidentibus fulta...* – «И что бы ни было рассказано, порождено не изворотливой ложью, а излагается с беспристрастной достоверностью, покоящейся на очевидных свидетельствах дел...»; XXXI. 5. 10: *sufficiet enim, veritate nullo velata mendacio, ipsas rerum digerere summitates: cum explicandae rerum memoriae ubique debeatur integritas fida* – «Будет достаточным, не скрывая истину никакой ложью, изложить важнейшие события, так как историческому повествованию во всем должна быть присуща добросовестная честность». Здесь и далее, где это специально не отмечено, перевод автора статьи.

³ ...*fallere non minus videtur, qui gesta praeterit sciens, quam ille, qui numquam facta fingit* (XXIX. 1. 15).

⁴ ...*obscura varietas quoniam opus veritatem professum non iuvat...* (XXVII. 4. 2) – «...так как неопределенное разногласие [мнений] не благоприятствует труду, признающему своей задачей истину...»; ...*nusquam a veritate sponte propria digressurus* (XIV. 6. 2) – «...никоим образом не намереваясь по доброй воле отклоняться от подлинной действительности»; *utcumque potuimus veritatem scrutari...* (XV. 1. 1) – «когда только я смог вывести правду...».

⁵ *Amm.* XXXI. 16. 9: *Haec ut miles quondam et Graecus, a principatu Caesaris Nervae exorsus ad usque Valentis interitum pro virium explicavi mensura: opus veritatem professum numquam, ut arbitror, sciens silentio ausus corrumpere vel mendacio. scribant reliqua potiores, aetate doctrinique florentes.* Перевод по изд.: *Аммиан Марцеллин. Римская история* / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. СПб., 1996.

⁶ *Gimazane J.* Etude sur le quatrième siècle. Ammien Marcellin, sa vie et son oeuvre. Toulouse, 1889. P. 267; *Ensslin K.* Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus // *Klio*. 1923. Beiheft 16. S. 30; *Naudé C.P.T.* Ammianus Marcellinus in die lig van die antieke geskiedskrywing. Leiden, 1956. P. 135; *idem.* Battles and Sieges in Ammianus Marcellinus // *Acta classica. Proceedings of the Classical Association of South Africa*. Vol. I. 1958. Cape Town, 1959. P. 92–95; *Rosen K.* Studien zur Darstellungskunst und Glaubwürdigkeit des Ammianus Marcellinus. Heidelberg, 1968. S. 7; *Crump G.A.* Ammianus Marcellinus as a Military Historian. Wiesbaden, 1975. P. 5, 128; *Соколов В.С.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. 1959. № 4. С. 48–49; *Tränkle H.* Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber // *Antike und Abendland*. 1962. Bd 11. S. 21–33; *Flach D.* Von Tacitus zu Ammian // *Historia*. 1972. Bd 21. S. 334;

в одной из новейших работ дана интересная интерпретация ее первой части. Д. Рорбахер предлагает видеть в употреблении термина «воин» проявление гордости автора тем, что он использовал сведения из первых рук и таким образом органично вписался в традицию великих античных историков, для которых участие в политической жизни и публичных делах было необходимым условием их авторитета как писателей⁷.

Аммиан Марцеллин настаивает на выделении главного и необходимости игнорирования ненужных подробностей, так как «не подобает затягивать историческое повествование незначительными мелочами»⁸. Но вместе с тем, по его мнению, краткость не должна быть в ущерб содержанию, потому что историк должен стремиться как можно полнее осветить описываемое. В начале 15 книги он обещает: «Дальнейшее повествование я постараюсь вести по мере сил еще более детально, не опасаясь упреков в излишней растянутости изложения, потому что краткость только тогда заслуживает признания, когда, устраняя излишние подробности, она не причиняет ущерба постижению смысла событий»⁹.

Rowell H.T. Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian of the Late Rome Empire // Lectures in Memory of L. Faft Semple. Vol. 1. Cincinnati, 1967. P. 312; *Stoian J.* A propos de la conception historique d'Ammien Marcellin (ut miles quondam et Graecus) // Latomus. 1967. Vol. 26. P. 73–81; *Heyen J.* A propos de la conception historique d'Ammien Marcellin (ut miles quondam et Graecus, 31, 16, 9) // Latomus. 1968. Vol. 27. P. 191–196.

⁷ *Rohrbacher D.* The Historians of Late Antiquity. L.–N.Y., 2002. P. 24.

⁸ *Amm.* XXVII. 2. 11: ...nec historiam producere per minutias ignobiles decet. См. также: «Не полезно рассказывать об этом по отдельности (quae singula narrare non refert), чтобы мы не выходили за пределы изложения, так как этого следует решительно избегать» (XIV. 9. 9); «Вот что происходило в этом году, если не упоминать незначительные дела (minutias)» (XXIII. 1. 1); «С большим усердием довел я изложение хода событий до границ ближайшей современности и решил было не приступать к описанию того, что всем ближе знакомо. К этому склоняло меня как желание избежать опасностей, которые нередко постигают правдивых повествователей, так и опасение вызвать дальнейшим изложением суд непрошенных критиков, которые поднимают крик, как будто им нанесено оскорбление, если пропущено, что сказал за столом император, или не упомянуто, за что подвергнуты были взысканию простые солдаты где-нибудь в армии, или если, по их мнению, нельзя было умолчать при обстоятельном описании страны о каких-нибудь малозначимых укреплениях, или из-за того, далее, что названы имена не всех явившихся на первый выход городского претора и тому подобное. Мелочи такого рода не согласуются с принципами исторического изложения (et similia plurima praecceptis historiae dissonantia), которое обыкновенно остается на уровне важнейших событий и не вдается в детали. Тот, кто хотел бы получить сведения обо всем подобном, пожалуй, готов подумать, что можно исчислить неделимые тела, движущиеся в пространстве, атомы, как мы называем их» (XXVI. 1. 1; пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни); «...я объясню по частям то, что достойно упоминания (memoria digna sunt)...» (XXVIII. 1. 2); «Допуская возможность, что кто-нибудь из моих будущих читателей, тщательно разобрав дело, упрекнет меня в том, что сначала случилось одно, а не другое, или что вовсе пропущено то, чему он был очевидцем, – я замечу в оправдание, что не все, что касалось людей низкого положения, достойно рассказа (non omnia narratu sunt digna)» (XXVIII. 1. 15; пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни); «...чтобы рассказом о пустяковых делах (per minutias gesta narrando) в известной мере не запутывать прямой ход изложения...» (XXVIII. 2. 12); «...пусть никто не требует от нас в высшей степени мелко (scrupulose) [описывать] дела или количество убитых, чего ни в коем случае нельзя узнать» (XXXI. 5. 10).

⁹ *residua quae secuturus aperiet textus, pro virium captu limatius absolvemus, nihil obtrectatores longi, ut putant, operis formidantes. tunc enim laudanda est brevitatis cum moras rumpens intempestivas nihil subtrahit cognitioni gestorum* (XV. 1. 1; пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни); см. также XXIX. 5. 1.

Рассказ о Персии Аммиан предваряет таким замечанием: «Если мое описание будет немного подробнее, то оно будет полезным для [создания] полного представления. Ведь всякий, кто стремится к чрезмерной краткости, когда повествует о неизвестном, озабочен не тем, что [следует] яснее объяснить, а тем, что он должен опустить»¹⁰. К тому же описание должно быть к месту¹¹. Историк следует хронологическому принципу, но не слепо, отступая от него, когда это необходимо: «Из-за того, что одновременно в обеих половинах империи поднялись грозные бури, я расскажу о них по отдельности и последовательно: сначала опишу события на Востоке, а затем – войны с варварами. Так как большая часть событий происходила на Востоке и Западе в одни и те же месяцы, то если бы я стал перескакивать с места на место в своем изложении, могла бы произойти большая путаница, и ход событий мог бы стать неясен в моем изложении»¹².

Все эти разрозненные элементы, а также наличие заключения ко всему сочинению, которое делает весьма вероятным существование и общего введения¹³, свидетельствуют о том, что отношение Аммиана Марцеллина к труду историка было вполне сознательным и ответственным, а степень объективности и достоверности его произведения весьма высока.

Разумеется, уверения в правдивости являются общим местом в античной историографии и сами по себе ее не гарантируют¹⁴. Но для Аммиана это не формальное заявление, а искреннее выражение цели, которую он перед собой ставит и честно стремится осуществить¹⁵. По мнению многих авторитетных исследователей творчества Аммиана Марцеллина, его труд в целом достоверен и объективен, трактовка событий, как правило, основывается на очевидных доказательствах¹⁶.

¹⁰ quod autem erit paulo prolixior textus, ad scientiam proficiet plenam. quisquis enim affectat nimiam brevitatem, ubi narratur incognita, non quid signatius explicet, sed quid debeat praeteriri, scrutatur (XXIII. 6. 1).

¹¹ «...теперь я считаю своевременным (tempestivum) показать положение галльских земель, чтобы в описании быстрых походов и разнообразных случайностей военных событий, разъясняя что-либо некоторым неизвестное, не оказаться похожим на нерадивых моряков, которым приходится чинить изношенные паруса и канаты среди бурь и волнений, хотя можно было все это приготовить в безопасности» (XV. 9. 1).

¹² Quia igitur uno eodemque tempore utrobique turbines exarsere maestissimi, competenti loco singula digeremus nunc partem in oriente gestorum, deinde bella barbarica narraturi, quoniam pleraque et in occidentali et in eoo orbe isdem mensibus sunt actitata, ne, dum ex loco subinde saluatim redire festinamus in locum, omnia confundentes squaliditate maxima rerum ordines implicemus (XXVI. 5. 15). См. также: «Теперь... я считаю уместным описать события (имевшие место в Африке) в непрерывном изложении, во избежание неясности, которая может возникнуть, если вставлять рассказы о других событиях, другого характера и совершавшихся в разных местах» (XXIX. 5. 1; пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни).

¹³ *Sabbah*. Op. cit. P. 14.

¹⁴ *Blockley R.C.* Ammianus Marcellinus. A Study of His Historiography and Political Thought. Bruxelles, 1975. P. 99.

¹⁵ *Rosen*. Op. cit. S. 3; *Crump*. Ammianus Marcellinus as a Military Historian. P. 130.

¹⁶ *Удальцова З.В.* Мирозрение Аммиана Марцеллина // ВВ. 1968. Т. 28. С. 39; *Sabbah*. Op. cit. P. 255, 403; *Matthews J.F.* Ammianus Marcellinus // *Idem*. Political Life and Culture in Late Roman Society. L., 1985. P. 1118; *Gimazane*. Op. cit. P. 320; *Dautremet L.* Ammien Marcellin. L'étude d'histoire littéraire. Lille, 1899. P. 115; *Laistner M.L.* The Greater Roman Historians. Los Angeles, 1947. P. 158–161; *Conduché D.* Ammien Marcellin et la mort de Julien // *Latomus*. 1965. Т. XXIV. Fasc. 2. P. 379; *Syme R.* Ammianus and the *Historia Augusta*. Oxf., 1968. P. 94–96; *Momigliano A.* The Lonely Historian Ammianus Marcellinus // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia*. 1974. Vol. 4. № 4. P. 1405; *Jacob-Karau L.-U.* Warum Ammian-Forschung heute? // *Klio*. 1976. Bd LVIII. S. 95–96; *Teitler H.C.* Ammianus and Constantius. Image and Reality // *Cognitio Gestorum. The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus* / Ed. J den Boeft, D. Den Hengst, H.C. Teitler. Amsterdam, 1992. P. 119.

Однако полная беспристрастность повествования оставалась, конечно, возвышенной, но призрачной иллюзией¹⁷.

Большое значение историк придает источникам изложенной им информации и утверждает, что свой труд (по крайней мере его сохранившуюся часть, освещающую события времени его сознательной, взрослой жизни) он писал как на основе того, что довелось видеть ему самому, так и того, что можно было узнать у непосредственных свидетелей при тщательном опросе¹⁸.

С определенной долей уверенности можно сказать, что пристальное внимание к некоторым сторонам жизни Римской империи, внешним войнам, внутренним столкновениям, императорскому окружению, детальная осведомленность о судебных процессах при императорском дворе берут свое начало в служебной деятельности будущего историка¹⁹.

Аммиан Марцеллин входил в корпус протекторов-доместиков. Первоначально, примерно с середины III в., протекторы были телохранителями императора, ими становились надежные и опытные воины²⁰. Их положение имело ряд преимуществ²¹, а также давало возможность впоследствии продвинуться по служебной лестнице. В первой половине IV в. из протекторов выделилась особая привилегированная категория протекторов-доместиков²², входивших непосредственно в императорскую свиту, правда, некоторые из них (*deputati*) были прикомандированы к военачальникам в разных частях империи и служили при них как штабные офицеры²³. Именно в таком качестве проходил службу при Урзicine Аммиан Марцеллин. Хотя протекторы-доместики были рангом выше, чем просто протекторы²⁴, вероятно, по своим служебным обязанностям те и другие не слишком отличались друг от друга, так как Аммиан одного и того же человека может называть и так, и иначе: Иовиан (будущий император) фигурирует в «Деяниях» и как *protector domesticus* (XXI. 16. 20), и как *protector* (XXV. 5. 8), и как *domesticus* (XXV. 5. 4); Тевтомер – и как *protector domesticus* (XV. 3. 9), и как *protector* (XV. 3. 11).

Как и простых протекторов, протекторов-доместиков вначале набирали из заслуженных солдат. Однако с раннего времени и гражданские лица могли по-

---

¹⁷ Удалцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974. С. 48; Gärtner H. Einige Überlegungen zur kaiserzeitlichen Panegyrik und zu Ammians Charakteristik des Kaisers Julian // *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz. Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1968. № 10.* S. 529; Elliott T.G. *Ammianus Marcellinus and Fourth Century History.* Sarasota (Florida)–Toronto (Ontario), 1983. P. 21.

¹⁸ «Насколько я мог разузнать истину, я изложил последовательно как то, что довелось мне видеть (*videre licuit*) как современнику, так и то, что можно было вывести (*interrogando*) у непосредственных свидетелей при тщательном опросе» (*Amm.* XV. 1. 1; пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни); см. также: «...и мы читаем высеченное на их памятниках...» (XV. 9. 6); «...кое-что увиденное или прочитанное...» (XXII. 8. 1); «...рассказывая большей частью об увиденном...» (XXII. 15. 1); «...будет достаточно сообщить то, что мы помним из увиденного» (XXVII. 4. 2).

¹⁹ Szidat J. *Ammian und die historische Realität // Cognition Gestorum...* P. 114.

²⁰ Rowell. *Op. cit.* P. 282.

²¹ Crump G.A. *Ammianus and the Later Roman Army // Historia.* 1973. Bd 22. Ht. 1. P. 99.

²² Blockley R.C. *Constantius Gallus and Julian as Caesars of Constantius II // Latomus.* 1972. T. 31. P. 444; Fornara C.W. *Studies in Ammianus Marcellinus. I. The Letter of Libanius and Ammianus' Connection with Antioch // Historia.* 1992. Bd 41. Ht. 3. S. 329.

²³ Jones A.H.M. *The Later Roman Empire (284–602). A Social, Economic and Administrative Survey.* Vol. II. Oxf., 1964. P. 636.

²⁴ *Ibid.*

пасть сразу в этот корпус по протекции²⁵. Аммиан Марцеллин упоминает некоего Антонина, бывшего богатым купцом, потом казначеем при дуксе Месопотамии, затем ставшего протектором-доместиком, которого историк, как и других доместиков, называет просто протектором (XVIII. 5. 1). Довольно часто протекторами-доместиками становились молодые люди из семей высокопоставленных военных, комитов или магистров²⁶. Возможно, и сам Аммиан получил должность за счет семейных связей, дружбы его родственников с Урзицином. Выполняя самые разнообразные поручения, и не только чисто военного характера²⁷, протекторы-доместики приобретали необходимый практический опыт и затем быстро продвигались по службе, как об этом свидетельствует Аммиан Марцеллин: «В то время как старшие по возрасту воины из нашего товарищества были повышены до командных должностей, нам, младшим, было приказано следовать за ним (Урзицином. – И.Е.)»²⁸.

Многие протекторы-доместики, находясь в окружении высших должностных лиц империи, помимо своих прямых обязанностей волей-неволей вынуждены были участвовать в политических интригах, выполнять сомнительные поручения (XVIII. 3. 6; XXVIII. 6. 21) или, в лучшем случае, быть свидетелями всего этого. При неблагоприятном стечении обстоятельств протекторы-доместики из преследователей, пусть даже поневоле, легко могли превратиться в жертвы. Чаше других подчиненных они страдают и подвергаются пыткам и репрессиям вместе со своими опальными командирами (XV. 6. 1; XVIII. 3. 5; XX. 4. 21; XXX. 2. 11) либо за то, что по каким-то причинам не выполняют возложенные на них поручения (XV. 3. 11; XXIX. 3. 8). Видимо, благодаря собственному такого рода опыту Аммиана Марцеллина и опыту его товарищей, а также слухам, распространявшимся в их среде, «*Res gestae*» содержат чрезвычайно много сведений о политической атмосфере императорского двора и об ожесточенной борьбе за власть и влияние внутри него. Опыт этот был, вероятно, богатым, если даже по мимолетным замечаниям историка понятно, сколь часто протекторам приходилось принимать участие в судебных процессах и арестах неугодных (XIV. 7. 11; 19; XV. 3. 9; XXIX. 5. 7), а то и в рискованных операциях по ликвидации очередного узурпатора, как выпало на долю Аммиана (XV. 5. 21–31).

Именно служебная деятельность Аммиана Марцеллина нашла свое отражение в его сочинении в качестве свидетельств очевидца: «И так как на моих глазах многих после жестоких мук приговорили к казни, и все слилось теперь для меня в одну картину, как в покрытой туманом перспективе, то я в общих чертах изложу, что могу в точности восстановить в памяти, которая не удержала все множество отдельных фактов»²⁹. Вероятно, протекторы-доместики имели воз-

²⁵ Ibid. P. 637.

²⁶ *Amm.* XIV. 10. 2; XXV. 5. 4; XXVI. 5. 14; 10. 1; XXXI. 13. 18.

²⁷ Протекторам-доместикам приходилось, разумеется, участвовать в боевых действиях, что видно на примере как Аммиана Марцеллина, так и других действующих лиц «Деяний» (XVIII. 7. 6; 8. 11; XIX. 9. 2; XXV. 10. 9; XXVII. 10. 16); командовать отрядами (XIV. 10. 7); подавлять восстания (XXVII. 8. 2); сопровождать высших военных (XIV. 11. 19; XV. 5. 22; XXVI. 5. 3; XXXI. 7. 4); охранять казну (XXVI. 8. 7). Об их функциях см. *Diesner H.-J. Protectores (Domestici) // RE. Suppl. XI. 1968. Sp. 1113–1123.*

²⁸ *Amm.* XVI. 10. 21: *provectis e consortio nostro ad regendos milites natu maioribus adulescentes eum sequi iubemur...* См. также XIV. 11. 14; XVIII. 9. 3; XXX. 7. 3.

²⁹ *et quoniam addici post cruciabiles poenas vidimus multos, ut in tenebrosis rebus confusione cuncta miscente, summatim quia nos penitissima gestorum memoria fugit, quae recolare possumus, expeditius absolvemus* (XXIX. 1. 24; пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). См. также XXX. 4. 4.

возможность пользоваться и официальными источниками информации, в первую очередь разнообразными донесениями (*relationes*)³⁰, и сами они были много знающими должностными лицами. Названный выше Антонин, которого неблагоприятно сложившиеся для него обстоятельства вынудили перейти на сторону противника, сумел предоставить персам весьма ценные сведения о римской армии (XVIII. 5. 1–3). Умение собирать информацию было, по всей вероятности, важным профессиональным качеством Аммиана Марцеллина³¹. Протекторы-доместики, по-видимому, по долгу службы также получали доступ и к императорским архивам. Ссылки на официальные бумаги и документы встречаются в тексте Аммиана неоднократно (XVI. 7. 8; 12. 70; XX. 8. 18; XXVIII. 1. 15). Такая осведомленность и компетентность давали историку необходимое понимание многих дел и событий и позволяли квалифицированно судить о том, в чем он сам участия не принимал³². Но не всегда причастность Аммиана Марцеллина к тому, что он позже описывал, способствовала усилению объективности повествования. Видимо, против воли автора личные мотивы и пристрастия (скорее чем классовая принадлежность и политическая ориентация³³) проникали в текст.

Пожалуй, практически все отступления от провозглашенного им принципа правдивости исторического сочинения, в которых можно заподозрить Аммиана Марцеллина, связаны с его служебной деятельностью. В научной литературе неоднократно указывалось на несколько предвзятое отношение писателя к императорам, прежде всего Юлиану и Констанцию II³⁴. Меньшего внимания исследователей удостоились не столь значимые для истории фигуры, но гораздо более тесно связанные с автором. Личные отношения важны для каждого человека в любом обществе, тем более – римском, хорошо известном древними традициями патроната-клиентелы; полностью отрешиться от них мало кому удается. Лично известные, иногда обязанные, а потому преданные тому или иному лицу люди часто оказывают ему помощь в трудных ситуациях и на страницах «Деяний» (XIV. 11. 19; XXVI. 5. 14). По большей части такие связи возникали между начальником и подчиненным. В этом смысле показателен эпизод, в котором названный выше Антонин, встретившись на поле боя со своим бывшим командиром, чрезвычайно почтительно разговаривает с ним, называя патроном и господином, и, конечно, не применяет против него оружие. «Обе стороны надвигались друг на друга, и Антонин выступил впереди строя. Его узнал Урзицин и громко обругал, называя предателем и негодяем. Тот снял тиару, которую, как знак отличия, носил на голове, сошел с коня и, склонившись всем телом и почти коснувшись лицом земли, приветствовал Урзицина, называя его па-

³⁰ *Sabbah*. Op. cit. P. 132–160; *Rohrbacher*. Op. cit. P. 40.

³¹ *Trombley F.* Ammianus Marcellinus and Fourth-century Warfare. A Protector's Approach to Historical Narrative // *The Late Roman World and Its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus* / Ed. J.W. Drijvers, D. Hunt. L.–N.Y., 1999. P. 17–28.

³² *Austin N.J.E.* Autobiography and History. Some Late Roman Historians and their Veracity // *History and Historians in Late Antiquity* / Ed. B. Croke, A. Emmett. Sydney, 1983. P. 64; *Rosen*. Op. cit. S. 6.

³³ *Розенталь Н.Н.* Социально-политические воззрения языческой интеллигенции Поздней Римской империи (Либаний и Аммиан Марцеллин) // *Труды Одесского университета*. 1947. Вып. 49. С. 104–105; *Alföldi A.* A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxf., 1952. P. 39–66; *Pack R.A.* Ammianus Marcellinus and the Curia of Antioch // *CPh*. 1953. Vol. 48. P. 80; *Anderson R.L.* The Rise and Fall of Middle-Class Loyalty to the Roman Empire // *Dissertation Abstracts*. 1965. Vol. 26. №. 5. P. 2701; *Drexler H.* Ammianstudien. Hildesheim–New York, 1974. S. 186.

³⁴ *Elliott*. Op. cit. P. 41–52.

троном и владыкой, и держа руки за спиной, что у ассирийцев является жестом просителя, сказал: «Прости, блистательный комит! Крайность, а не собственная воля привела меня к тому, что я сам признаю преступным. Несправедливые кредиторы меня погубили, как ты сам знаешь. Ведь и ты сам, со своим высоким положением, заступившийся за меня в моей нужде, не смог положить предела их корыстолюбию». Сказав это, он стал отходить, не поворачиваясь к нам спиной, почтительно отступая назад и держа руки на груди, пока не исчез из вида»³⁵. Слово *patronus* не является здесь термином в узком смысле, а обозначает влиятельного покровителя вообще (из контекста отрывка следует, что в данном случае его помощь, увы, оказалась недостаточной), как оно очень часто употреблялось в римской литературе³⁶.

Аммиан Марцеллин не менее семи лет службы провел под началом магистра конницы на Востоке Урзицина и был ему чрезвычайно предан³⁷. В силу данного обстоятельства историк уделяет гораздо больше места описанию его деятельности и карьеры на фоне равных ему по рангу военачальников, более, чем он, как заметил Л. Даутремер³⁸, реально заслуживает.

Анализ текста «Деяний» дает основания утверждать, что во всех случаях, когда Аммиан Марцеллин касается судьбы Урзицина (может быть, за исключением собственно боевых эпизодов), следует чрезвычайно осторожно относиться к его сведениям, так как они, вероятнее всего, воспроизводят взгляды самого военачальника³⁹, и историка можно заподозрить либо в преувеличении роли магистра, либо в искажении положения вещей, либо в умолчании.

Уже гипертрофированное внимание вызывает определенные сомнения в беспристрастности Аммиана, но есть и более веские причины для них. Не очень ясно историк излагает отношения Урзицина с Галлом, когда по императорскому приказу военачальник должен был разобраться с судебными процессами по обвинениям в преступлении против величия, в большом количестве инициированными цезарем. Очевидно, никаких серьезных попыток выполнить данное поручение и спасти невинно осужденных (XIV. 9. 3–5) Урзицин не предпринимал, оправдываясь тем, что он не знаком с судопроизводством, но исправно слал доносы: «...он уведомлял Констанция тайными письмами...»⁴⁰, опасаясь прежде всего за себя. По всей видимости, у Урзицина имелись определенные человеческие слабости, о которых Аммиану Марцеллину не хотелось говорить.

Историк страстно обвиняет императора Констанция в недоброжелательном отношении к своему любимому командиру, а его окружение в злостных интри-

³⁵ *Amm.* XVIII. 8. 5–6 (пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни).

³⁶ *Saller R.P.* *Personal Patronage under the Early Empire*. Cambr., 1982. P. 9; *idem.* *Status and Patronage / САН*. 2 ed. Vol. XI. *The High Empire. A.D. 70–192*. Ch. 28. Cambr., 2000. P. 842–844.

³⁷ *Amm.* XIV. 9. 1; XV. 5. 22; XVIII. 6. 5; XIX. 8. 12.

³⁸ *Dautremer.* *Op. cit.* P. 13. Э.А. Томпсон в главе, посвященной Урзицину (*Thompson E.A.* *The Historical Work of Ammianus Marcellinus*. Cambr., 1947. P. 42–55), отмечает, что до него только Л. Даутремер, Э. фон Нишер и Э. Гиббон очень бегло, в нескольких словах обратили внимание на изображение Аммианом Марцеллином его начальника (*Ibid.* P. 42); более поздняя статья Эд. Фрезуля посвящена доказательству того, что Урзицин не был отозван из Галлии сразу после убийства Сильвана, как считали К. Жюллиан и Дж.Б. Пиги. Отношение историка к своему персонажу в ней не рассматривается: *Frézouls Ed.* *La mission du «magister equitum» Ursicin en Gaule (355–357) d'après Ammien Marcellin // Hommages à A. Grenier*. Berhem–Bruxelles, 1962 (Collection Latomus. Vol. 58). P. 673–688.

³⁹ *Thompson.* *Op. cit.* P. 54–55; *Szidat J.* *Historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus Buch XX–XXI. Teil I: Die Erhebung Julians*. Wiesbaden, 1977. S. 103.

⁴⁰ *Amm.* XIV. 9. 1: ...occultis Constantium litteris edocebat....

гах против него. Нельзя отрицать, что у Урзицина были враги при дворе, в их числе первым следует назвать могущественного препозита Евсевия, которому магистр отказался отдать свой дом в Антиохии (XVIII. 4. 3), но степень их козней явно преувеличена, так как во всех действиях Констанция по отношению к Урзицину Аммиан усматривает тайный смысл. Так, переводы военачальников с одного места на другое, из одних частей империи в другие были нормой, должность магистра имела ограниченный срок полномочий⁴¹, и Аммиан Марцеллин спокойно сообщает о кадровых переменах, но только тогда, когда это не касается Урзицина, который и так необычно долго (почти десять лет) оставался магистром конницы на Востоке. К тому же автор «Деяний» мог не знать о стратегических соображениях, лежавших в основе перемещений его командира⁴². Возможно, отзывая Урзицина с Востока, причем с повышением (XVIII. 6. 1), Констанций надеялся сохранить мир с персами и поэтому заменял боевого командира дипломатом Сабинианом⁴³. В историографии имеется и несколько иная интерпретация обсуждаемых событий. Предполагается, что Урзицина вызвали ко двору в Сирмию как эксперта по военным действиям на Востоке, к которым император готовился, с тем чтобы, повысив его в должности и сделав магистром пехоты, поручить ему командование всей полевой армией в грядущей войне с Персией⁴⁴. Внешнеполитическая ситуация изменилась слишком быстро, и Урзицина с половины пути возвратили обратно (XVIII. 6. 5), но, к его удивлению, подчинили Сабиниану. Аммиан Марцеллин видит в этом проявление враждебности императора к своему начальнику (XVIII. 6. 6). Но сместить Сабиниана с только что полученной должности либо было неудобно, либо, как полагают некоторые ученые⁴⁵, он должен был воплощать в жизнь оборонительную стратегическую концепцию Констанция, используя практический опыт несогласного с ней Урзицина. Существует предположение, что Констанций II сам собирался прибыть на восточную границу после умиротворения сарматов на Дунае⁴⁶. Есть исследователи, которые более жестко оценивают позицию Аммиана Марцеллина по данному вопросу и считают, что он не просто необъективен и пристрастен, но совершенно сознательно умалчивает об определенных, известных ему фактах в целях создания благоприятного впечатления об Урзицине, искажая тем самым причинно-следственные связи событий⁴⁷. После взятия персами

⁴¹ Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 50.

⁴² *Bringingmann K.* Ammianus Marcellinus als spätantiker römischer Historiker // *Antike und Abendland*. 1973. Bd 19. S. 53.

⁴³ *Thompson*. Op. cit. P. 50.

⁴⁴ *Blockley R.* East Roman Foreign Policy. Formation and Conduct from Diocletian to Anastasius. Leeds, 1992. P. 21.

⁴⁵ *Szidat*. Historischer Kommentar... S. 102–104; *idem*. Ammian und die historische Realität. S. 112; *idem*. Sabinianus. Ein Heermeister senatorischer Abkunft im 4 Jh. // *Historia*. 1991. Bd 40. Ht. 4. S. 500; *Seager R.* Perceptions of Eastern Frontier Policy in Ammianus, Libanius, and Julian (337–363) // *CQ*. 1997. Vol. 47. №. 1. P. 256–257.

⁴⁶ *Matthews J.F.* Ammianus and the Eastern Frontier in the Fourth Century: A Participant's View // *The Defence of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986*. Oxf., 1986. Pt II. P. 555.

⁴⁷ *Lenssen J.* The Persian Invasion of 359. Presentation by Suppression in Ammianus Marcellinus' *Res Gestae* 18. 4. 1–18. 6. 7 // *The Late Roman World and Its Historian...* P. 49; отчасти: *Sabbah*. Op. cit. P. 472–473. Уормингтон также полагает, что не следует в данном случае доверять Аммиану Марцеллину, так как «враждебное отношение к Констанцию было психологической необходимостью для нехристианских авторов» (*Warmington B.H.* Objectives and Strategy in the Persian War of Constantius II // *Limes. Akten des XI. Internationalen Limes-Kongresses / Ed. J. Fitz. Budapest, 1977*. P. 518.

Амиды Урзицин был отозван на обещанную ему должность магистра пехоты (XX. 2. 1). Учреждение комиссии по расследованию причин неудач в войне представляется вполне естественным. Это было не первое разбирательство в карьере Урзицина. Вероятно, не сдаль у него нервы и не окажись он излишне дерзким, то и на этот раз он успешно прошел бы очередное испытание, а не был отправлен в отставку (XX. 2. 5). Таким образом, описание восточной политики Римской империи в интерпретации Аммиана Марцеллина, по крайней мере в 359 г., требует к себе очень внимательного и осторожного отношения.

Явным преувеличением выглядит замысел тайного убийства Урзицина после казни цезаря Галла. Вообще весь эпизод с его опалой представляется довольно туманным и неконкретным. Историк, который очень подробно описывает многие процессы об оскорблении величия, в данном случае не сообщает, кто был обвинителем и почему дело все-таки не дошло до суда⁴⁸. Странной кажется такая деталь, как решение «увезти Урзицина на следующую ночь от воинов и убить без суда» (XV. 2. 5). Если совещание по данному вопросу с участием императора было тайным и немногочисленным (*paucis arcanorum praesentibus consciis latenter cum imperatore...*) и мнение правителя почти сразу же смягчилось (...*consilio in lenitudinem flexo...* – XV. 2. 6), то каким образом узнал о нем историк? И о каких воинах идет речь?

Аммиан Марцеллин хочет создать впечатление, что авторитет Урзицина в войсках был столь велик, что Констанций II опасался узурпации (XV. 5. 19). Но Урзицин уехал с Востока с небольшой свитой, с несколькими протекторами-доместиками (XVI. 10. 21), а в Медиолане он вряд ли был известен и пользовался популярностью. Тем более, что в скором времени Урзицин был послан для ликвидации узурпации Сильвана, магистра пехоты в Галлии. Если бы опасность со стороны императора была реальна, то наилучшим выходом для Урзицина стало бы примкнуть к Сильвану, который действительно из-за интриг был вынужден поднять мятеж. Констанций не мог этого не понимать и не учитывать такую возможность развития событий⁴⁹. В связи с чем остается предположить, что Аммиан Марцеллин очень сгущает краски и преувеличивает недоброжелательное отношение к Урзицину при дворе. Из этого следует, что изображение отдельных событий в «Деяниях» могло быть весьма односторонним.

Возможные искажения действительности в историческом труде, вызванные личными мотивами, не ограничиваются преувеличениями, необоснованными выводами и односторонностью. Стремясь показать Урзицина невинно страдающим непогрешимым героем, Аммиан сообщает, видимо, далеко не все, что известно писателю о его действиях, иногда противореча самому себе⁵⁰. Особенно это бросается в глаза в освещении заговора Сильвана и истории его устранения. Здесь Аммиана Марцеллина, вероятно, можно упрекнуть в тенденциозности⁵¹ и замалчивании неблагоприятной роли его начальника в убийстве несчастного

⁴⁸ *Thompson*. Op. cit. P. 44; *Matthews J.F.* The Roman Empire of Ammianus. L., 1989. P. 36; *Ибатуллин Р.У.* Аммиан Марцеллин: проблемы биографии в контексте эпохи. Дис. Казань, 2000. Гл. I. § 4. Комментатор текста Аммиана Марцеллина справедливо отмечает то обстоятельство, что описания интриг против Урзицина в разных книгах клишированы и расплывчаты (*Szidat. Historischer Kommentar...* S. 105).

⁴⁹ *Thompson*. Op. cit. P. 44–45.

⁵⁰ *Hunt D.* The Outsider Inside. Ammianus on the Rebellion of Silvanus // The Late Roman World and its Historian... P. 51, 61.

⁵¹ *Boer W. den.* The Emperor Silvanus and His Army // Acta classica. Proceedings of the Classical Association of South Africa. Vol. III. Cape Town, 1960. P. 105–109.

Сильвана. Сначала историк с пафосом обличает клеветников и интриганов, жертвой которых стал этот честный и достойный человек (XV. 5. 3–9), а заканчивает рассказ, не проронив ни слова упрека по поводу коварного поведения своего командира, и с очевидным облегчением сообщает о том, что преступление, организованное Урзицином, было столь успешным (XV. 5. 30–31). По всей видимости, эпизод с Сильваном, так же, как описания других бед, терзавших Галлию, по контрасту должен был усилить благоприятное впечатление об ее будущем спасителе – Юлиане⁵², но и Урзицина порочить Аммиану Марцеллину явно не хотелось.

Еще более темным представляется пребывание Урзицина в Галлии после гибели Сильвана, в 355–357 гг. Историк, все это время находившийся рядом с ним, не только не сообщает никаких подробностей, но даже не называет его тогдашней должности. Только касаясь дел на Востоке, Аммиан мимоходом замечает, что место магистра конницы там занимал Проспер, так как Урзицин оставался в Галлии (XV. 13. 3). Вместе с тем магистром пехоты в Галлии вместо Сильвана был назначен Барбацион (XVI. 11. 2). Из этой области Урзицин был вызван Констанцием II в Сирмию только летом 357 г. (XVI. 10. 21). Не менее полутора лет он находился в Галлии и Германии одновременно с Юлианом, провозглашенным цезарем 6 ноября 355 г. (XV. 8. 17), а 1 декабря уже выехавшим из Медиолана в Виенну (XV. 8. 18). Все, что предпринимал в течение данного отрезка времени будущий император и признанный кумир автора «Деяний», Аммиан Марцеллин подробно описывает, вплоть до конкретных дней прибытия в тот или иной город (XVI. 2. 2). Для не менее любимого командира на протяжении всей 16 книги у него нашлась всего одна фраза, когда речь зашла о сборе армии летом 356 г. в городе Ремы: «Возглавлял его (войско. – *И.Е.*) преемник Урзицина Марцелл и сам Урзицин, которому было предписано находиться в этих местах до окончания похода»⁵³. Из нее следует, что некоторое время Урзицин был магистром конницы в Галлии, так как Марцелл был назначен именно на эту должность (XVI. 4. 3), что он, несомненно, контактировал с Юлианом и был ему подчинен. Возникает закономерный вопрос, чем вызвано, совершенно очевидно, сознательное желание Аммиана избежать рассказа о совместных действиях и взаимоотношениях Урзицина и Юлиана?

Напрашивается предположение, что историк оказался в очень трудном положении, так как ни в коей мере не хотел уронить авторитет ни того, ни другого, а какие-то трения, возникшие в их отношениях, чрезвычайно затрудняли осуществление основного принципа «Деяний» – не допускать ни малейшего искажения правды ложью или умолчанием. И в данном случае Аммиану Марцеллину пришлось от него отступить, как наименьшее зло он выбрал умолчание. Детальную картину событий в Галлии и Германии в связи с этим восстановить не удастся, но некоторый свет на нее проливают реплики современника Аммиана, ритор Либания, и церковного историка IV–V вв. Сократа Схоластика.

Оба автора недвусмысленно заявляют, что Юлиан был послан в Галлию только номинальным командующим, а распоряжались всем военачальники (*Lib. Or. XVIII. 42; Socr. Schol. Hist. eccl. III. 1. 27*), в число которых, как выяснилось, входил и Урзицин. Антиковеды полностью разделяют данное мнение и, более того, основываясь на словах самого Юлиана (*Ep. ad Athen. 277 D*), считают, что

⁵² *Hunt. Op. cit. P. 53.*

⁵³ *Amm. XVI. 2. 8: ...cui praesidebat Vrsicini successor Marcellus et ipse Vrsicinus ad usque expeditionis finem agere praeceptum isdem in locis.*

высшие военные обязаны были надзирать над цезарем, дабы предотвратить возможную узурпацию⁵⁴. Такое положение, разумеется, не могло способствовать зарождению сердечных отношений между дорогими Аммиану Марцеллину людьми. Сообщать о том, что Урзицин, возможно, писал доносы на Юлиана, так же, как на Галла, ему, естественно, не хотелось. О подобном развитии событий косвенно может свидетельствовать сообщение Аммиана о том, что настроение Юлиана резко улучшилось летом 357 г., когда Констанций II вызвал Урзицина к себе и заменил Марцелла другим полководцем (XVI. 10. 21). По словам Аммиана Марцеллина, Юлиан «бодро поспешил в Ремы. Настроение его было тем радостнее, что армией командовал Север, человек не склонный к ссорам и не высокомерный, приученный долгим военным опытом к повиновению, который будет готов как дисциплинированный солдат следовать за вождем, указывающим правильный путь»⁵⁵.

Но перед историком, по-видимому, стояла еще более сложная задача: подчеркнуть действенность мер, предпринятых Юлианом по наведению порядка в северо-западных римских провинциях, и вместе с тем не связать их бедственное положение и полную незащищенность от набегов германцев с бездействием тех, кто обладал властью до приезда цезаря и на первых порах при нем, о чем открыто пишут незаинтересованные авторы (Либаний и Сократ Схоластик)⁵⁶. Указанными обстоятельствами, по всей вероятности, объясняется столь странная лаконичность в данном случае далеко не беспристрастного Аммиана. У него не было возможности еще раз обратить внимание на профессионализм, мужество и боевые подвиги Урзицина, поскольку в его присутствии аламанны опустошали Галлию, а в Верхней Германии пала такая крупная крепость, как Колония Агриппина (XV. 8. 19).

В последующих книгах Аммиану Марцеллину еще раз пришлось проявить изобретательность, чтобы не вызывать у слушателей и читателей неудобные вопросы об отношениях Урзицина и Юлиана. Драматический рассказ об отставке его начальника (XX. 2) отделен от повествования о провозглашении Юлиана императором (XX. 4) отступлением о солнечном затмении (XX. 3), что побудило одного из комментаторов «Деяний» выдвинуть гипотезу, поддержанную в историографии, об экскурсах как элементах, помимо всего прочего, структурирующих текст «Деяний»⁵⁷.

Таким образом, следует признать, что хотя степень объективности и достоверности произведения Аммиана Марцеллина весьма высока, теория и практика историописания в его труде в целом не противоречат друг другу, но есть сфера, где автор отступает от своих основных принципов, не единожды заявленных и много раз успешно реализованных в тексте «*Res gestae*». Аммиан не в силах преодолеть личные пристрастия и вынужден допускать умолчания, преувеличения, необоснованные выводы, одностороннюю интерпретацию событий, когда они касаются близких ему людей.

⁵⁴ Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. М.- СПб., 1994. С. 221; Thompson. Op. cit. P. 46.

⁵⁵ *Amm.* XVI. 11. 1: motus Remos properavit alacrior magisque laetus, quod exercitum regebat Severus nec discors nec adrogans, sed longa militiae frugalitate conpertus et eum recta praeeuntem secuturus ut ductorem morigerus miles (пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни).

⁵⁶ Впрочем, некоторые исследователи видят причины поражений не в бездействии полководцев, а в объективно сложном положении в Галлии (*Frézouls*. Op. cit. P. 686–687).

⁵⁷ *Szidat*. Historischer Kommentar... S. 44; *Hengst den D*. The Scientific Digressions in Ammianus' Res Gestae // *Cognitio Gestorum*... P. 45–46.

AMMIANUS MARCELLINUS' ATTITUDE TOWARDS HISTORIAN'S WORK: THEORY AND REALITY

I. Ye. Yermolova

The article considers historical reliability of Ammianus Marcellinus' work. The author compares the aims set by the historian with their practical realization influenced by the circumstances of his life. Special attention is paid to Ammianus's attitude towards his military leader Urzicinus.

© 2008 г.

В. Н. Илюшечкин

ГРЕЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК «ИСТОРИИ АПОЛЛОНИЯ, ЦАРЯ ТИРСКОГО»*

Известен сохранившийся в двух латиноязычных изводах роман «История Аполлония, царя Тирского», имевший широкое хождение в греко-римском мире в переходный период от античности к средневековью и рассказывающий о странствиях безутешного героя. После известия о том, что жена царя Аполлония якобы погибла в море на корабле, скорбящий муж оставляет дочь в Тарсе у приемных родителей и отправляется в Египет. Дочь Аполлония похищают пираты и продают в дом сводника в Митилене. Спустя 14 лет Аполлоний встречает дочь Тарсию, которую не узнает. Вещий сон повелевает Аполлонию с дочерью отправиться морем в Эфес, где в храме Дианы они встречают жрицу, которая оказывается спасшейся женой Аполлония и матерью Тарсии.

Вплоть до последнего времени изучение различных аспектов этого нарративного памятника связывали обыкновенно с существованием утраченного греческого источника, который лег в основу дошедшей до нас латиноязычной обработки романа V–VI вв. н.э.¹ В опубликованной еще в 1899 г. работе Э. Клебс отмечал, что поздние переложения романа V–VI вв. н.э., сохранившиеся в виде латинских рукописных версий RA и RB (последняя RB является вольной обра-

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Религиозные представления в центре и на периферии античного мира», № 07-01-00016а.

¹ *Historia Apollonii Regis Tyris* / Ed. A. Riese. Lipsiae, 1893; *Historia Apollonii Regis Tyri* / Ed. G.A.A. Kortekaas. Groningen, 1984. P. 97 ff.). Обычно роман датируют IV или V веком н.э. Издатели ссылаются на одну из загадок, упоминаемую в гл. 42-й латинского романа в анонимном сборнике «Загадки Симфосия» (дошедшем до нас в составе «Латинской антологии»). Однако другие издатели латиноязычной версии полагают, что «Историю Аполлония...» следует датировать предположительно концом VI в. н.э., поскольку в анонимном сочинении «*De dubiis nominibus*» («О сомнительных названиях») упоминается словосочетание *Apollonius naufragus* («потерпевший кораблекрушение Аполлоний»), якобы встречающееся в одном из произведений христианского поэта Венанция Фортуната (VI в.); см. подробно: *Historia Apollonii regis Tyri* / Ed. G.L. Schmeling. Lpz, 1988. P. VI.